

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Жены,
которым не повезло

Евгений Евгеньевич Сухов
Жены, которым не повезло
Серия «Расследования
криминального репортера», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034929
Жены, которым не повезло / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81448-0

Аннотация

С целью ограбления убита жена столичного чиновника Аида Крохина. Сам Юрий Сергеевич Крохин, согласно своим показаниям, в момент преступления сидел в баре. Криминальный репортер Аристарх Русаков встретился с безутешным вдовцом, пытаясь разузнать, что происходило в его квартире за несколько часов до гибели женщины. Вдруг в разговор вмешался частный сыщик Киприани, расследующий это дело. Он начал убеждать репортера в том, что у Юрия Сергеевича есть железное алиби, которое могут подтвердить свидетели. Возможно, Аристарх и согласился бы с этим утверждением, если бы на следующий день не узнал, что произошло еще одно убийство с ограблением, и на этот раз жертвой стала жена того самого сыщика Киприани. Странное совпадение подвело Аристарха к совершенно ошеломляющему выводу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Евгений Сухов

Жены, которым не повезло

© Сухов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*** * ***

Глава 1

Скверный сон, или Звонок от старой знакомой

Воскресенье четырнадцатого декабря две тысячи четырнадцатого года я провел наихудшим образом. По городским улицам стелился вязкий и густой туман – из квартиры выходить не хотелось, а дома было совершенно нечего делать. Пробовал читать, так книга просто выпадала из рук, пытался смотреть телевизор, но не мог усидеть и пяти минут. Гостей я не ждал, самому в гости пойти не к кому, да и не было никакого желания куда-либо топать.

Грустновато, когда отсутствует интересное дело. А его не было с того самого времени, как в сентябре я раскрыл три убийства, совершенные тремя руководителями риелторской компании «Бечет», и передал господ преступников в руки Главного следственного управления по городу Москве в лице майора юстиции Владимира Ивановича Коробова. С тех пор я его не видел, он вдруг куда-то запропастился. Наступило затишье: унылое и тусклое, отбивающее всякое настроение и провоцирующее зеленую тоску. Мое настроение отнюдь не походило на предпраздничное, а ведь приближался Новый год, люди начинали к нему готовиться загодя: закупать еду и питье, приобретать подарки для дорогих лю-

дей, пряча их покуда подальше от глаз. В некоторых домах, как мне было видно из окна, уже устанавливали елки, развешивали на них гирлянды. Я же пребывал в депрессии, с которой просто не было никакого сладу. Так у меня бывает, когда какая-то серьезная цель достигнута, результат получен, а новая цель еще не определена. Я всегда боялся этого периода *междущелья*, поскольку именно в это время впадал в хандру, из которой всегда тяжело было выбираться, даже водка не помогала.

Несколько раз я принимался смотреть по своему ноутбуку второй сезон сериала «Марьяна роцца». Время от времени интерес к нему проскакивал, но когда я угадывал наперед, как разрешится та или иная ситуация с героем Домогарова, мне снова становилось смертельно скучно, и я мстительно хлопал крышкой ноутбука. Заполучи!

Чтобы день поскорее закончился, я лег в половине десятого и, кажется, почти сразу уснул. Мне приснились какие-то размалеванные девицы в черных ажурных колготках, сидевшие за длиннющей стеклянной витриной и делавшие призывные знаки. Я шел вдоль этой витрины, но, к своему немалому сожалению, не находил двери. А рядом с этим магазином почему-то вращала крыльями красная мельница.

Потом я очутился в собственной квартире. Но, к моему неудовольствию, – не один. В кресле напротив дивана, на котором я лежал, сидел тот самый господин в джинсах и стильном пуловере песочного цвета от Кельвина Кляй-

на, который со своим товарищем как-то однажды заходил ко мне, когда я расследовал дело о вагонах с евро на запасных путях Белорусского вокзала. Этот его безымянный товарищ, что без труда и лишних эмоций убил тогда двух охранявших меня фээсбэшников, тоже был тут, но держался очень скромно: стоял чуток поодаль от нас, прислонившись к дверному косяку, и наблюдал за мной. Его правая рука пряталась в кармане серого пиджака, где, очевидно, лежал черный пистолет. И он готов был в любую секунду выстрелить в меня, если бы получил на это санкцию от господина в песочном пуловере...

– Вот мы и снова встретились, господин Русаков, – спокойно объявил человек в песочного цвета пуловере.

– Я это уже заметил.

– Скучали?

– Не особенно... Во всяком случае, по вам точно не скучал, – ответил я и попытался приподняться. Человек в сером костюме немного подался вперед и буквально вонзил в меня свой взор:

– Не надо делать резких движений, Русаков, это сильно беспокоит моего товарища... А он может быть крайне нервным. Уж я-то знаю!

– Что вам нужно? – спросил я.

– Ничего особенного, – харизматично улыбнулся господин в песочном пуловере. – Вы можете не беспокоиться. Если бы мы хотели вас убить, – мой собеседник улыбнулся еще

шире, – то уже давно бы сделали это. Вы невероятно крепко спите! Но в наши планы *пока* не входит, – добавил он, сделав ударение на слове «пока», – подобный расклад.

– Тогда, может, вам что-то предложить... чай, кофе? – как можно более радушно спросил я с елейными нотками в голосе. – Сигареты, спички, коробок? Ну, что вы как не родные? Я, право, даже не знаю...

– Вы все шутите, – одобряюще посмотрел он на меня. – Похвально, что вы, как и в прошлый раз, не теряете чувства юмора и самообладания. Знаете, такая черта не у каждого найдется.

– Ну, так мне больше ничего и не остается, – беззлобно огрызнулся я, изобразив на лице дежурную улыбку.

– А вот это верно, – произнес мой гость. – Хотите, я вам прочитаю небольшую лекцию?

– А у меня есть выбор?

– Вам, господин Русаков, больше ничего не остается, в то время как мы за последние всего-то тридцать лет уже стерли из употребления такие слова, как порядочность, совесть и честь. Эти понятия уже сделались анахронизмом. Головы у людей теперь забиты жадной потреблением вещей и удовольствий. Из молодых людей уже никто не пойдет работать на фабрику или завод, даже за хорошие деньги. И это сделали мы. Мы отбили охоту к труду физическому и труду вообще. – Господин в песочном пуловере победно посмотрел на меня. – Мы развалили экономику, медицину, образо-

вание. Сегодня повсюду царят хаос и неразбериха. Особенно для рядового гражданина. У него не осталось жизненных ориентиров, нет какой-либо цели и совершенно отсутствуют перспективы. Зато есть сонм забот и куча всевозможных неразрешимых проблем. И ему уже некогда думать о чести и совести, а уж чтобы блюсти их – тем паче. Ему надо кормить себя, свою семью и растить детей, которых рождается все меньше и меньше. И это тоже наша заслуга...

– Позвольте вас перебить.

– Пожалуйста.

– Есть рядовые граждане, для которых честь и совесть – не пустой звук и вовсе не анахронизм.

– Полагаю, это вы про себя? – вполне серьезно спросил человек в песочном пуловере.

– И про себя тоже, – ответил я.

– Ну, таких, как вы, осталось немного, – усмехнулся мой собеседник. – И они скоро вымрут... Как мамонты.

Я промолчал, и он продолжил:

– Вы не можете не видеть, что многое удалось. Нам удалось уничтожить мораль, а вместе с ней и основы общества, например семью. Она, как институт, вот-вот развалится. Уже сейчас большинство молодых людей сожительствуют друг с другом, не торопясь скреплять свои отношения браком или венчанием. А нет семьи, нет и ответственности друг за друга. Простите меня за откровение, идет простое спаривание. Пожили, полюбились и разбежались... Разврат

и блуд посеяны нами повсюду. Еще немного наших усилий, и от страны останется только пустой звук. Пшик, так сказать.... И вот тогда наступит наше время. Хотя практически оно *уже* наступило. Как я вам ранее говорил, мы уже везде. И вам, *лично вам*, не удастся нам помешать, значит, и угрозы вы никакой для нас не представляете. Вы – пустое место. Призрак. Мираж. Фантом. Поэтому мы и оставили вас в живых, когда приходили в первый раз...

– Это я уже слышал, – нетерпеливо сказал я. – Неужели нет ничего новенького?

– Новенького желаете? – внимательно посмотрел на меня человек в песочном пуловере. – Извольте. Правда, мне казалось, что вы и сами догадаетесь. Помните, господин Русаков, я вам говорил, что очень хочу, чтобы вы увидели результаты нашей работы?

– Ну, помню, – ответил я без особого восторга (а если быть предельно откровенным, так и вовсе без него, незванный гость мне уже крепко поднадоел).

– Ну вот, – ободряюще улыбнулся гость. – Украина и есть новенькое...

Впрочем, я мог бы и сам догадаться...

– В Киеве на Южном вокзале в одном из тупиков тоже стояли вагоны с евро. Как и те, которые вы обнаружили на Белорусском вокзале в Москве. Таких вагонов с евро было там два. И все деньги из них использовались по назначению... – Мой собеседник поднялся с кресла и насмешливо посмот-

рел на меня: — Мы снова оставляем вам жизнь, Русаков. Догадайтесь с первого раза, почему?

— Откуда же мне знать, — буркнул я. Хотя ответ знал: чтобы я и дальше мог видеть результаты работы этого человека в песочном пуловере и иже с ним. Мог видеть, злиться, бороться против них и претерпевать одно поражение за другим... Его отчего-то забавляла эта игра. Незванный гость хотел от меня именно этого: осознания его правоты и моего поражения. — Может, вы мне симпатизируете?

— Ну-ну, — с усмешкой произнес он. — Не обманывайте себя... — И с этими словами прошел к входной двери, открыл ее, пропустил вперед себя человека в сером костюме, после чего вышел сам. Уже закрывая за собой дверь, просунул голову в дверной проем и помахал ручкой: — Бай, бай... Хорошего дня!

Я открыл глаза. Взял свой сотовый и, посмотрев, невольно поморщился: 15 декабря, 9:40. Однако я заспался. Двенадцать часов сна. Нехило... Столько времени потеряно бездарно.

Конечно, настроение было препаршивейшее. Из-за этого сна, конечно. Не дай бог, если он окажется вещим. Не хотелось бы мне, чтобы подобная встреча и разговор состоялись наяву. К тому же не факт, что товарищ человека в песочном пуловере, тот самый господин в сером костюме, не получит приказ прикончить меня на сей раз...

Ну, разонравлюсь я ему!

Я быстренько собрался и, хлебнув раскаленного кофе без ничего, отправился на работу. Когда тебе паршиво, на людях все как-то легче. К тому же если ты устроился на какую-либо работу, то по будним дням на нее надо ходить (в моем случае – хотя бы иногда). Так уж заведено...

Я работаю на телеканале «Авокадо».

Спросите, почему такое название? Потому что его придумал наш шеф (а шеф у нас реальный авторитет). И объясняет он его так... *«Наши передачи, как и сам фрукт авокадо, экзотически вкусны для восприятия, полезны для ориентации в жизненном пространстве и тонизируют, то есть не дают расслабиться в гонке за удовольствиями и достатком, дабы вас не обошли на повороте завистники и конкуренты».*

Что ж. В его словах присутствовал определенный резон.

В телекомпании я работаю уже шесть лет. С тех самых пор, как прикрыли в две тысячи восьмом году газету «Московский репортер», где я два года отработал корреспондентом.

Почему прикрыли «Московского репортера»? Да потому, что газета опубликовала статью, точнее, всего-то информацию о возможном разводе одного очень крупного фигуранта в российской политике. И все! Издание было задушено проверенными и весьма эффективными методами...

Механизм был таков.

Вначале было прикрыто финансирование, и «Московский

репортер» из газеты ежедневной превратился в еженедельник, наполовину сократив штат сотрудников и их зарплату. Затем от газеты, по отмашке сверху, отвернулись рекламодатели. После чего осталось только пять сотрудников-патриотов: два корреспондента, я и Вова Чикин, корректор Полина Шлыкова, зам главного редактора, он же верстальщик и ответственный секретарь – Витюня Жмуркин. Пятым был сам главный редактор Геннадий Павлович Нехватов. Однако «Московский репортер» вопреки всему продолжал держаться на плаву и стоически бороться с обрушавшимися на него невзгодами. Более того, через пару месяцев положение еженедельника даже стало заметно выправляться. Тем, кто жаждал закрытия газеты, это явно не понравилось, и последовала новая, еще более серьезная опала, после которой торговая сеть и киоски перестали брать нашу газету на реализацию под ложным предлогом «газета не расходуется». Тиражи, естественно, стали зависеть. И в августе две тысячи восьмого года холдинг «Национальная медиакомпания» остановил выпуск «Московского репортера» «ввиду явной убыточности». Тогда Нехватов последний раз собрал нас всех, накрыл богатую «поляну», по-отечески расцеловал всех и попрощался, сказав напоследок вполне искренне, что для него было большой честью работать с нами.

Я не знал, что мне делать. «Московский репортер» был уже третьей газетой, из которой, после того как я окончил журфак МГУ, мне приходилось уходить не по собственной

воле. А тут еще развод с благоверной меня сильно подтолкнул. Не буду расписывать в подробностях, как мы морально уничтожали друг друга, скажу только одно, что инициатором развода выступала она, поскольку у нее появился другой мужчина, «не лузер», по ее словам. Она же затеяла и болезненный размен бабкиной трехкомнатной квартиры в самом центре, в результате которого у меня оказалась неплохая, правда однокомнатная, квартира на Садовом кольце (у меня было условие, что из центра я никуда не поеду), недалеко от пересечения с Новым Арбатом.

После того как я снова стал безработным, я попытался устроиться в пару мест, куда меня когда-то зазывали, но безрезультатно. И вот совершенно случайно (а теперь я понимаю, что это вовсе не было случайностью, поскольку таковых в жизни просто не бывает и все, что происходит с нами, подчиняется определенным вышним законам) мне на глаза попалось объявление, что молодая, но перспективная телекомпания «Авокадо» объявляет конкурс на вакансию телевизионного корреспондента, имеющего опыт работы. Я тут же отправился на собеседование, где и познакомился с нашим шефом, Гаврилой Спиридоновичем. Несмотря на серьезный конкурс, я был все-таки принят, правда, с испытательным трехмесячным сроком.

Не знаю, удержался ли бы я в «Авокадо» после испытательного срока, если бы не мое первое журналистское расследование. Оно касалось крупных хищений в департаменте

градостроительной политики Москвы, в частности, по программе «Народный гараж». Всего начальники из департамента «увели» из кармана государства в свой собственный около ста тридцати миллионов рублей. В возбуждении уголовного дела против них есть и моя заслуга. Помимо этого, мое расследование принесло полезные знакомства среди ментов и прокурорских и возобновило общение с университетским товарищем, учившимся со мной на одном потоке, Володькой Коробовым, служившим тогда в Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации. Так я остался на телеканале в качестве криминального репортера. Хорошо было и то, что располагалась наша телекомпания в двухэтажном особняке бывшего дворянского имения, находящемся в Черноградском переулке недалеко от Садового кольца, а стало быть, и от моего дома.

В телекомпании жизнь кипела вовсю: с листочками в руках сновали по коридорам ведущие, операторы со своими ассистентами тащили камеры и треноги, спеша на выход к ждущим их авто, дабы ехать на съемки, из монтажных доносились музыка, которую накладывали на видеоизображение звукооператоры, в одном из монтажных кабинетов мычала корова и блеяли овцы (кому и для какой передачи понадобилась сия звуковая подкладка, было не ясно). Я даже заглянул в эту монтажную и увидел сидящего за монитором нашего монтажера Игоря Светочева и – ну, конечно! – примостив-

шуюся рядышком Катюшку. Она вот уже несколько лет вела по субботам свою программу для женщин «Ты – богиня» и все время выискивала для своих новых рубрик какие-нибудь креативные решения в подаче и в оформлении передачи. На этот раз, похоже, у нее была рубрика, сравнивающая типажи женщин и мужчин с определенными видами животных (весьма смелое решение!). Надо полагать, что с коровой она сравнивала спокойный и покорный тип женщин, скорее всего, домохозяйек, а с овцами – так называемых «телок», безмозглых и готовых на все ради призрачных благ. А может, бляели вовсе не овцы, а козы, с которыми можно было бы сравнить определенный типаж молодых женщин, упрямых, своенравных и себе на уме... Признаюсь откровенно, во всех этих бляениях я слабо разбираюсь.

– Ага! – радостно воскликнула Катюшка, едва заведя меня. – Ты-то мне и нужен! Ты ведь у нас в телекомпании главный эксперт по женщинам!

Сказано было довольно сильно, и я поспешил ретироваться, поскольку у Катюшки имелась привычка брать у меня интервью, особенно когда она делала передачи для одной из своих рубрик, называющейся «Мужской взгляд на женщин». Так вот, одним из мужчин, взгляд которых на женщин освещался в этих ее передачах, был я. Одно время она терроризировала меня этими интервью нещадно, после чего я зарекся попадаться ей на глаза. Честное слово, мне, как криминальному репортеру с навыками и некоторым имеющим-

ся опытом сыщика, надлежало бы догадаться, что мычание и блеяние использует именно Катюшка, и ни в коем случае не заглядывать в эту монтажную. Так что, когда она вышла из кабинета, меня в коридоре уже не было...

Удивительно, но по дороге к себе я не встретил шефа. Обычно он всегда попадался мне навстречу и бывал несказанно рад видеть меня, поскольку случалось (когда я вел какое-нибудь серьезное расследование), что я днями, а то и неделями не появлялся на работе. На этот раз я беспрепятственно проник в свой кабинет, конечно, пустой, поскольку еще четверо корреспондентов, которые считали его также *своим*, были на съемках или на задании. Репортера ведь кормят ноги, господа. Ну, и немного голова...

Я сел за свой стол и включил компьютер. И почти одновременно с появлением надписи на мониторе моего компьютера «ПРИВЕТ» мой рабочий телефон зазвонил.

– Да, – поднял я трубку.

– Аристарх Африканыч, это вы? – услышал я обрадованный женский голос.

– Да, это я.

– Как хорошо, что я вас застала... – Женщина на том конце провода была натурально счастлива. – Это Маша. Помните такую?

Я ничего не ответил, судорожно вспоминая всех знакомых (а порой мимолетных) мне Маш, с которыми свела меня мужская судьба.

— Ну, Маша... — несколько поубавилось радости у женщины. — Из измайловской клинической больницы, что на Верхней Первомайской. Мы все там лежали, отравленные кисломолочными продуктами из магазина «Изобилие». Вы у нас в августе были, когда вели расследование этого группового отравления и расспрашивали нас, кто что ел-пил и где покупал продукты...

— Да, я вас помню, — ответил я. И после того, как ответил, я ее действительно вспомнил...

Маша... Ну, конечно: дородная женщина сорока с небольшим лет. С мужицкими кулаками и ростом под метр восемьдесят. Отравившаяся ряженкой, купленной в том злополучном магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре. Эта Маша еще все время расспрашивала меня, когда я уже собрался уходить из их палаты, когда будет показана моя передача. Похоже, она смотрела ее, поскольку на следующий день смогла до меня дозвониться (а звонков, надо признать, был самый настоящий шквал), после чего хвалила меня и называла «молодцом» за то, что я нашел «эту подлюку Ларису», как она выразилась, «травившую честных людей». А еще сказала, что гордится знакомством со мной...

— Так вы правда меня помните? — услышал я снова радостный голос женщины.

— Разумеется, — сказал я. — Вы отравились ряженкой.

— Все так, — восторженно ответила она, словно случившееся отравление доставило ей незабываемое удовольствие. —

Знаете, а ведь у меня до вас дело. – Голос ее стал вдруг серьезным и даже, кажется, печальным, что вовсе не вязалось с ее образом бойкой неунывающей бабенки, которой палец в рот не клади. – Беда у меня, беда... Только вы можете помочь.

– У вас что-то случилось?

– Случилось, ой случилось!

– Да что случилось-то? – недоумеваю, спросил я.

– А то, что мне с вами поговорить надобно самым срочным образом, – выпалила Маша и замолчала, ожидая моего ответа.

Ну, что я мог сказать на это? Разве одно:

– Хорошо, давайте поговорим.

– Где? – последовал новый вопрос.

– Приезжайте ко мне на работу. Я вам выпишу пропуск.

Как ваше полное имя?

– Мария Афанасьевна Федосова.

– Хорошо, Мария Афанасьевна, приезжайте. Паспорт только не забудьте захватить с собой, иначе вас не пропустят...

– Вот спасибо-то, Аристарх Африканыч, – снова сделалась счастливой Мария Афанасьевна. – Прямо сейчас же и поеду...

Я не стал гадать, что за дело такое имеется ко мне у Маши Федосовой. Приедет – расскажет. Все равно делать мне пока нечего: мой оператор Степа малость приболел, дела сто-

ящего не предвиделось, да и шеф что-то не спешил обременить меня новой передачей, хотя идей у него не поубавилось. Словом, затишье. Уж не перед бурей ли?

С полчаса я шарился по Интернету, собирая разные новости и сплетни. Ужаснулся сегодняшнему курсу доллара и евро. Мама родная! Доллар 67 рублей, а евро – 83! Нефть стоит уже меньше 60 долларов за баррель, а эксперты утверждают, что и до сорока докатится. Снова кризис, мать его растак! А может, этот кризис, что начался в две тысячи девятом, еще и не кончался? Надо бросать курить, хоть какая-то экономия.

Почитал я и про новые санкции против России посевшего и стареющего на глазах президента Барака Обамы в области энергетики. Какой вредный, однако, этот негр оказался... А говорили, что чуть ли не наш, что в Пермь ездил, будучи сенатором, девушкам русским комплименты раздавал. Оженить его надо было бы на одной из них, глядишь, история по другому руслу пошла бы.

Потом ознакомился с высказыванием Никиты Михалкова касательно слов Андрея Макаревича о том, что Крым надо отдать обратно Украине и тогда, дескать, мы станем цивилизованной нацией. Михалков заявил, что Макаревичу нечего делать в этой стране, которая дала ему все и которую (за это?) он так не любит. Что же ты, Андрюша, так заболтался? Эх, обидно разочаровываться в людях... Ведь столько пива было выпито под твои песни в студенческие годы!

Теперь брэнчать их на гитаре я уже не буду.

Интересно, Макар, как Герцен и Березовский, поедет в Лондон и там будет оцивилизовываться? Так сказать, подалее от русского мира...

Зачем-то прочитал про хеджирование и деривативы – ни черта в этом не понял, только время зря потратил.

Полюбовался на пухленького полуторагодовалого принца Джорджа...

Крайне опечалился заявлением вице-премьера Ольги Голодец, что хотя количество бедных в России уже достигло на 15 декабря 2014 года почти шестнадцати миллионов человек, цифра эта будет расти и дальше (интересно, я окажусь в числе тех самых безработных? Судя по тому, как разворачиваются события, то да). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Стабилизируемся, господа! Конечно, я далеко не оппозиционер и уж тем более не приверженец их политических взглядов, но все-таки...

Э-хе-хе!

Короче, кругом полная безнадега и реальный *кирдык*, как говорят наши братья татары. Нагнали страху на население. А ведь это становится уже законом: каждый новый год чем-то хуже предыдущего. Кажется, уже падать-то некуда, ан нет, снизу еще постукивают. Каков, интересно, будет наступающий год? И какую новую подлянку он выкинет для нас, кроме вводимого налога на недвижимость?

Я вздохнул и оторвался от монитора. И в это время услы-

шал нерешительный стук в дверь.

– Да! – громко сказал я, развернувшись в кресле лицом к двери.

– Здравсьте, это я, Маша...

– Здравствуйте, Мария Афанасьевна. Проходите, присаживайтесь, – сделал я широкий жест рукой, будто предлагал ступить во дворец.

Женщина робко и как-то бочком прошла в кабинет и припустилась на краешке кресла. Обычно бойкая и острая на язычок, насколько я успел заметить, Маша Федосова явно стеснялась, и я, чтобы успокоить ее, мягко улыбнулся:

– Усаживайтесь поудобнее, Маша, и не волнуйтесь. Вы пришли не в министерство. И даже не в соцзащиту. Вы пришли на рядовое производство. На фабрику, так сказать, где делаются телевизионные передачи. Кроме того, в этот кабинет, я думаю, до конца дня никто больше и не придет...

Маша села в кресло поглубже, что получилось у нее с трудом ввиду дородной комплекции, и сказала:

– Но ведь я все равно в гости пришла.

– В гости, – согласился я. – Но не к министру и даже не к его заместителю, а к рядовому репортеру.

– Я бы не сказала, что вы рядовой, – заметила Маша, потупившись.

– Ну, пусть я буду лей... нет, скорее старший лейтенант, – улыбнулся я. – Чин все равно небольшой.

– Умеете вы... это... – Она замолчала, не договорив.

– Успокоить? – догадался я.

– Ага, – кивнула Маша.

– А вы уже успокоились?

– Да, – слегка улыбнулась она.

– Тогда рассказывайте, – предложил я.

Маша какое-то время собиралась с мыслями. Я терпеливо ждал. Мне даже стало интересно, что такого у нее было ко мне, раз она так долго собирается и не решается начать говорить. Наконец Мария Афанасьевна выдохнула и проговорила:

– Пашку снова хотят посадить...

– Какого Пашку? – удивленно посмотрел я на Федосову.

– Брата моего. Он, конечно, непутевый, но не убийца...

– Ему что, предъявлено обвинение в убийстве?

– Пока с него взяли только подписку о невыезде, – ответила Маша. – Но и он, и я чувствуем, что за ним скоро придут. Ведь настоящего убийцу полицейские найти не могут. Не найдут, так и отыграются на нем, ироды проклятые...

– Простите, но чтобы, как вы говорите, «отыграться» на вашем брате и предъявить ему обвинение в убийстве, нужны веские улики, доказательства, – заметил я, как мне показалось, вполне резонно. – А их, как я понимаю, у следствия нет, иначе его бы уже давно арестовали и посадили в КПЗ, а с него, как вы говорите, лишь взяли подписку о невыезде.

– Улики будут, – рассерженно посмотрев куда-то вдаль, заверила меня Маша. – Это только дело времени. Вы же знаете, как у них там все делается.

– Я бы не стал так огульно утверждать. Если ваш брат никого не убивал, то откуда у следствия появятся улики, incriminating его в убийстве?

– Эх, Аристарх Африканыч, – снисходительно посмотрела на меня Мария Афанасьевна, как смотрят взрослые люди на несмышленного младенца. – Хороший вы человек, вот только очень наивный. Но ведь не все такие. Далеко не все. Ну, подбросят Пашке что-нибудь с места убийства, и привет. И загремит он под фанфары в четвертый раз.

– У него что, три судимости уже было?

– Да, три. Непутевый он у меня, я же вам уже говорила.

– Непуте-е-евый, – протянул я. – Ничего себе *непутевый* – три ходки за спиной.

– Ну, так сложилось, – опустила голову Маша.

– А какая у него, так сказать, криминальная *специализация*? – немного подумав, спросил я.

– Он квартиры богачее обворовывает.

– Что-то вроде Робин Гуда? – Я попытался не улыбнуться.

Она молча пожала плечами.

– Значит, он вор-«домушник», – резюмировал я. – Да, вот вы сказали, улики могут и подбросить. А вы кого-нибудь конкретно имели в виду?

– Да, есть такие, – поспешно ответила Маша, вновь стано-

вась бойкой и острой на язычок. – Это следователь Михеев, который ведет дело.

– Михеев? – переспросил я. – А он откуда?

– Из Следственного комитета.

– То есть делом об убийстве, где косвенные улики указывают на вашего брата Пашу, занимается Главное следственное управление по городу Москве? – уточнил я.

– Ну да. Наверное, – не совсем уверенно ответила Маша. – Там бабу какой-то шишки убили, вот Следственный комитет это дело у районного полицейского отделения и забрал. Так мне Паша сказал...

– Понял. А еще что вам сказал *Паша*? – с небольшой долей сарказма спросил я.

– Что он не убивал никого. И что если настоящего убийцу не найдут, то все подведут под него. Подставят, – добавила она популярное словечко, употребляемое в детективных сериалах.

– Ну что ж, тогда вашему брату следует быть крайне осторожным. Свои сомнительные дела, если они у него, конечно, имеются, по телефону не обсуждать, ни по домашнему, ни по сотовому тем более. Если он оставляет где-нибудь свою машину на время, то всегда потом, вернувшись к ней, проверять, не подбросили ли в нее что-нибудь. Смотреть в бардачке, под сиденьями, в багажнике. И при обнаружении какого-либо предмета, которого раньше у него в машине не было, ни в коем случае не трогать его руками...

– У него нет машины, – воспользовавшись паузой, встала Маша.

– Это даже хорошо, – констатировал я. – Дальше: когда он уходит из своей квартиры, пусть оставляет какую-нибудь заметочку, в смысле «маячок». Скажем, приклеивает волосок между полотном двери и косяком. Или тонкую леску. Если кто-то проникнет в квартиру в его отсутствие, он это поймет, ведь волосок или леска будут оторваны, и в таком случае пусть в квартиру не заходит...

– У него нет постоянного места жительства, – сказала Мария Афанасьевна.

– А где ж он живет? – спросил я.

– Да где придется, – вздохнула она. – Я же говорила, что он у меня непутевый. Когда у дружков своих кантуется, когда ко мне приходит...

Ничего хорошего нет в том, что человек не имеет собственного жилья. Даже если он бывший зэк. И потому, глубокомысленно выждав паузу, я завершил наш разговор словами:

– Ваш брат должен быть все время начеку. И чаще бывать на людях, чтобы его видели. Это пригодится для его возможного алиби, если на него вдруг и правда захотят повесить какое-нибудь преступление. Такой вот, Мария Афанасьевна, будет мой вам совет.

Я заерзал в своем кресле, давая понять, что на этом аудиенция закончена. Но Маша Федосова не двигалась, как врос-

ший в землю памятник, и во все глаза продолжала таращить-
ся на меня, очевидно ожидая какого-то продолжения.

– Что-то еще? – был вынужден спросить я.

– Да, – не сразу ответила она. – Я это... в общем... не за советом к вам пришла.

– А за чем? – удивленно посмотрел я на нее.

– За помощью, – негромко произнесла Федосова.

– В смысле? – не понял я, что конкретно она подразумевает под словом «помощь».

– Ну, чтоб вы помогли, – еще тише произнесла Маша.

– Да в чем помог-то?

– Чтобы Пашу не посадили. Он ведь не убивал, понимаете?

Выходит, она хочет, чтобы я взялся за расследование убийства, в котором подозревают ее брата...

– Вы что, предлагаете мне найти настоящего убийцу той женщины, жены какой-то шишки? И тем самым отвести подозрение от вашего брата?

– Ага, – энергично подтвердила Маша.

– И как вы это себе представляете? – снова спросил я.

– Не знаю, – честно ответила Мария Афанасьевна. – Но у вас же это как-то получается.

– Но я не полицейский. И не частный детектив. У меня нет таких возможностей, какие есть у них... За ними государство, система. Вам, скорее всего, следует обратиться в детективное агентство. Их у нас в Москве имеется, наверное,

уже сотни полторы...

– Я обращалась.

– И что?

– С меня запросили три тысячи в час плюс пятьдесят тысяч за сбор необходимой информации по делу, – сказала Федосова. – А у меня нет таких денег...

– Вот оно что получается! А я, стало быть, все то же самое должен делать, но уже бесплатно? – с ехидцей в голосе поинтересовался я.

– Но вы ведь проводите журналистские расследования по всяким там отравлениям и убийствам, – резонно заметила Маша, отведя от меня взор. – Это же ваша работа...

Если бы это была явная наглость, я бы немедленно закончил этот разговор. Наглецов я терпеть не могу и вижу их за версту. Здесь же была некая женская хитрость, граничащая, конечно, с нахальством, но все же больше присутствовала лапотная непосредственность и почти святая простота. Ну, простая была баба эта Марья Афанасьевна Федосова! А у таких проявление хитрости настолько не закамуфлировано, настолько заметно для постороннего глаза, что впору умиляться, а не гневаться или негодовать. И я потихоньку стал сдаваться, сам того не желая...

Поначалу сказал, что у меня очень туго со временем, и получил резонный ответ, мол, Маша вовсе меня не гонит и не понукает, хотя хорошо бы провести расследование побыстрее, иначе Пашу заарестуют, а вызволять его из тюрьмы уже

намного труднее.

Тогда я сказал, что мне будет крайне затруднительно узнать о том убийстве, по которому ее Паше могут предъявить обвинение. На что получил совершенно неотразимый и обезоруживающий ответ:

– Вы сможете, я знаю... У вас к этому настоящий *талант*. Хм, вот оно даже как!

– Хорошо, хорошо, – прервал я дифирамбы, источаемые Марьей Федосовой в мою честь (тоже хитрость, и тоже явно заметная, а стало быть, не совсем и хитрость). – Я попробую разобраться в вашем деле (а что я мог еще сказать?!), а вы как можно скорее устройте мне встречу с вашим братом, Павлом Афанасьевичем.

– Вот спасибо-то, вот спасибо! – запричитала Федосова, с трудом выпрастывая свои чресла из объятий кресла с узковатыми подлокотниками. – А ведь я, Аристарх Африканыч, в вас ничуть и не сомневалась. Сразу видно, что вы хороший человек. Я это еще тогда разглядела, когда вы к нам в больничную палату приходили, потому и пришла к вам... Сегодня же поговорю с Пашей. Он ведь не знает, что я с вами встречаюсь...

– Значит, когда вы поговорите с братом, то позвоните мне, так? – уточнил я.

– Ага, – коротко ответила Маша, поправляя платье.

– Тогда возьмите мой телефон и оставьте свой.

Мы обменялись номерами телефонов и тепло попроща-

лись. Тепло – это с ее стороны, а я был деловит и задумчив.

С чего начинать? Как разузнать побольше о том убийстве, в котором вот-вот обвинят брата Маши Пашу? Где гарантия, что Паша, вор-рецидивист, не замешан все же в этом деле? Конечно, «домушники» на «мокруху» не идут, это не их профиль, но если их застают на месте преступления хозяйева квартир и пытаются помешать краже, а то и просто задержать, то случается всякое. Он мог убить ту женщину непреднамеренно. Толкнул, например, ее от себя, пытаясь выбежать из квартиры. Она упала и головой стукнулась о мраморную полку камина. Или об угол стального сейфа. Или обо что-то другое. И все, привет, человек умер. Вор убивать не хотел, факт, и, конечно, будет вполне искренне все отрицать...

Первое, что надлежит сделать, поговорить с этим самым Робин Гудом, Пашей. Посмотреть ему в глаза. Прощупать, что это за фрукт. И обстоятельно расспросить о том убийстве. Он ведь может знать многое, раз его допрашивали...

Что ж, вот и закончился мой вынужденный простой.

«Ну что, ты опять ищешь приключений на свою задницу?» – спросил меня тот, что сидел внутри меня: едкий, противный, ироничный.

«Получается, как-то так. Ничего не могу с собой поделаться», – искренне ответил я.

«Смотри, – с печалью и нравоучительными нотками произнес тот, что сидел внутри. – Когда-нибудь ты крепко по-

жалеешь, что ввязался в историю. Но будет уже поздно...»

«Не каркай», – угрюмо отозвался я.

И стал просматривать свою электронную почту. Однако, кроме откровенного спама, многочисленных рекомендаций, как заработать в Интернете за два дня тыщу долларов, и прочей разной галиматьи, писем мне никаких не поступило...

Глава 2

Допрос вора-«домушника», или Коли взялся за гуж...

Мария Афанасьевна позвонила вечером, когда я был уже дома.

– Это Маша... Здравствуйте еще раз, – бодро проговорила она, заряжая меня оптимизмом.

– Здравствуйте, – сдержанно ответил я.

– Брат рядом, я передаю ему трубку...

Это было сказано таким тоном, будто последние двадцать лет своей жизни я мечтал с ним познакомиться и вот сейчас должен отплясывать гопака от свалившегося на мою голову счастья.

– Здравствуйте, – услышал я низкий мужской голос. – Я – Павел. Сестра мне сказала, что вы хотите со мной поговорить.

– Да. Но только не по телефону.

– А где? – осторожно спросил Павел Афанасьевич.

– Приезжайте ко мне, – немного подумав, отозвался я. И назвал свой домашний адрес.

– Хорошо. Буду.

– Дай, дай мне, – послышался приглушенный голос Маши. Надо полагать, что Паша отдал трубку сестре, поскольку

ку я тотчас услышал ее радостный голос: – Спасибо. Спасибо вам!

– Да рано меня благодарить, – заметил я. – И скажите вашему брату, что я его жду.

На этом наш разговор закончился.

Интересно, что представляет собой этот Паша?

Я решил проверить себя и нарисовать портрет вора-«домушника» с тремя ходками за плечами, а потом, когда Паша придет, сравнить представляемое с действительностью.

Итак, возраст. Я о нем не спрашивал, но раз Маша столь энергично хлопочет о Паше, стало быть, она старшая сестра. Привыкла с малолетства вытаскивать младшенького из разного рода передраг и не перестает заботиться о нем даже после того, как он стал закоренелым преступником. И он прекрасно знает о том, что сестра в беде его не оставит. Если Маше сороковник с небольшим, то Паше – лет тридцать пять – тридцать восемь. Или около того.

Рост может быть самый разный – от карлика до долговязого детины. Впрочем, нет, это будет слишком бросаться в глаза. Слишком маленький рост или слишком высокий – это уже особые приметы, а вор должен быть неприметен. Значит, его рост, скорее всего, средний, и комплекция такая же средняя.

Волосы. Вероятно, короткая стрижка. Лохматый вор имеет больше шансов оставить волос на месте преступления, а это ему ни к чему.

Походка у Паши мягкая, почти неслышная, кошачья. Обувь предпочитает мягкую, что-нибудь вроде кроссовок или мокасинов.

Сам он одет в удобную и не стесняющую движений куртку.

У него отличная память, он аккуратен, скорее всего, не курит.

Не женат. Хотя, вполне возможно, где-то живет женщина, растящая его ребенка. Быть может, он об этом и не знает...

Вот такое представление о Паше я составил к его приходу...

Он пришел в девятом часу. На нем была облегающая голову шапка, закрывающая уши, короткая зимняя куртка и ботинки на мягкой подошве. Роста он был чуть выше среднего и комплекции тоже средней. Правда, трудно было определить его возраст, ибо исправительная колония людей не молодит, но я решил его об этом спросить. И когда он вошел и разделся – а волосы на его голове и правда оказались короткими, – первый вопрос у меня был к нему таким:

– Простите, вам сколько лет?

– Тридцать шесть, – ответил он, ничуть не удивившись.

У него было простоватое (как и у Маши) лицо и очень внимательный острый взгляд, чего я, кстати, не отметил, когда составлял мысленно его портрет. Все остальное я угадал правильно. Впрочем, слово «угадал» здесь подходило не очень...

– Чай, кофе? – предложил я.

– Мне все равно, – ответил Паша.

– Павел Афанасьевич, – начал я, когда мы уселись за кухонный стол и стали пить чай с сухариками (больше у меня ничего не оказалось к чаю на тот момент), макая их в чашки, – ваша сестра попросила меня помочь вам по возможности, поэтому я буду задавать разные вопросы, на которые прошу отвечать правдиво и без утайки. Я не полицейский, в данном случае я вообще частное лицо, причем на вашей стороне, наш разговор записываться не будет, поэтому все сказанное вами не выйдет из этой кухни и не сработает каким-либо образом против вас. Вопросы будут самые разные, так что не удивляйтесь...

– Я уже давно ничему не удивляюсь, – кивнул Паша.

– Тогда первый вопрос: сколько в общей сложности вы провели на зоне?

– Четырнадцать лет, – спокойно ответил Павел.

– Ваша сестра Маша носит фамилию мужа? – задал я новый вопрос.

– Да.

– Тогда какая фамилия у вас?

– Кочетков.

– У вас есть... э-э... псевдоним?

– Погонялово? – усмехнулся Паша. – Есть, конечно. Как же без него? Таков порядок. Кочет.

Несмотря на такой внушительный срок неволи, речь мое-

го собеседника была более правильной, нежели у Маши, знающей о зоне только по рассказам брата. Да и феней он ее не приправлял.

– Теперь конкретно об убийстве, в котором вас могут обвинить, – перевел я тему разговора. – Мне нужно знать о нем все, что знаете вы, и все, что вы сами об этом думаете.

– Спрашивайте, – снова коротко произнес Паша.

И я начал спрашивать...

Я. Что это за убийство? Кого именно убили? Когда?

ПАША. Убили женщину. Знаю только, что у нее черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью. Зовут ее Аида Крохина... В смысле звали... Случилось это в субботу шестого декабря...

Я. Где?

ПАША. В квартире по адресу Измайловский бульвар, дом пятьдесят пять, строение два. Это элитный дом. Такой, елочкой, разноэтажный. Квартира убитой на втором этаже.

Я. Сколько лет было этой женщине?

ПАША. Точно не знаю. Что-то около сорока.

Я. Она одна жила?

ПАША. Нет, с мужем.

Я. Дети есть?

ПАША. Кажется, нет.

Я. Кто обнаружил труп?

ПАША. Следак говорил, что труп обнаружили менты, приехавшие по звонку соседки. Это она их вызвала. У сосе-

дей ее, Крохиных, телевизор уж слишком громко орал, а время уже позднее было. Вот она и настучала полицейским, что соседи нарушают тишину.

Я. Во сколько это было?

ПАША. Что-то около двенадцати ночи, точнее не скажу.

Я. Где в это время был муж убитой женщины?

ПАША. Не знаю... Но в квартире, кроме покойницы, полицейские никого не обнаружили.

Я. Из квартиры что-нибудь пропало?

ПАША. В том-то и дело, что пропало. Побрякушки¹ дорогие пропали, рыжье² всякое.

Я. Значит, следовательно считает, что это ограбление?

ПАША. Да. Все ж налицо. Поэтому меня и трясут.

Я. Почему именно вас?

ПАША. А кто ж их знает, что у них там на уме? Мне бы тоже хотелось это узнать. Хотя, по большому счету, удивляться не стоит. Если какая-то кража, так сразу ко мне.

Я. А в районе Измайлово были еще ограбления квартир в последнее время? Только откровенно, пожалуйста. Я вижу, что вы чего-то недоговариваете.

ПАША. Были. Еще три.

Я. За какой период?

ПАША. В последние два месяца.

Я. Вы к этому имеете какое-нибудь отношение?

¹ Побрякушки – драгоценности (жарг.). (Здесь и далее прим. автора.)

² Рыжье – золотые украшения (жарг.).

ПАША. Да. Но я вам ничего не говорил. О них менты не знают.

Я. Понятно... Эти три квартиры взяли вы?

ПАША (с *глухим отчаянием*). Да, я. Но ту квартиру, где убили женщину, я не брал...

Я. А у следователя на вас что-нибудь есть? Я имею в виду эти три кражи в Измайлово.

ПАША. Нет. Я все сделал чисто. Следов не оставлял. Уж, извините меня, не в первый раз, знаю, что почем.

Я. Но вы на подозрении?

ПАША. Да.

Я. Что следователь говорил о времени убийства?

ПАША. Ничего не говорил. Спрашивал меня, где я был в ту субботу с десяти до половины двенадцатого.

Я (*задумчиво*). Значит, это и есть время убийства. Ну, и где же вы были в то время?

ПАША. Я был в это время вместе со своим корешем, ну, с приятелем. Пиво с ним пили...

Я. Как зовут вашего кореша?

ПАША. Шалый.

Я. Это погоняло, а как по-настоящему?

ПАША. А зачем вам?

Я. Так, для общего развития.

ПАША (с *большой неохотой*). Шалимов Борис.

Я. А где вы с ним пиво пили?

ПАША. В «Закусочной» на Измайловском бульваре.

Я. Вы об этом следователю говорили?

ПАША. Говорил.

Я. Кореш подтвердил, что вы были с ним в той «Закусочной»?

ПАША. Подтвердил. Только что в этом толку? Ему веры мало.

Я. Почему?

ПАША (*не сразу*). Потому что он такой же, как и я.

Я. Что, в той «Закусочной» больше никого не было, кроме вас?

ПАША. Был еще народ. Полно. Но из знакомых никого не было...

Я. А вы что, первый раз туда с корешем вашим зашли?

ПАША. Нет.

Я. Получается, что вас должен был узнать обслуживающий персонал.

ПАША. Может быть. Но следак, кажись, никого не опрашивал.

Я. Это почему?

ПАША. Я так полагаю, не нужно ему мое алиби...

Я. Установление наличия или отсутствия алиби на время убийства – первейшая задача любого следователя.

ПАША (*с нескрываемым сарказмом*). Ага, наслышан. Это вы тому следаку скажите, Михееву.

Я. Значит, вы полагаете, что рано или поздно вас повяжут?

ПАША. Да это к бабке не ходи! Прижмет начальство следака, скажет ему: время, мол, вышло твое, выкладывай нам на стол убийцу Крохиной немедленно. И если к тому времени Михеев настоящего мокрушника³ не найдет, ему ничего не останется, как меня повязать и перед начальством мною и отрапортоваться. Я ведь для этого самый подходящий кандидат. А мокрушника реального, что Крохину замочил, Михеев ни в жисть не отыщет. Мозгов ему на это не хватит. Вот он меня и прихватит. И улики найдет, и мотив отыщет, можете не сомневаться...

Я. Интересный господин этот следователь Михеев.

ПАША. Да уж куда интереснее!

Я. Я могу сделать ваше фото?

ПАША (*удивленно*). А это еще зачем?

Я. Схожу в закусочную. Порасспрошу персонал про вас. Может, кто-нибудь и найдется, кто видел вас в субботу... вечером.

ПАША. Ну, коли нужно...

Я снял Пашу на сотовый, на чем допрос его был закончен. Потом дал ему номер своего телефона. Так, на «всякий пожарный» случай.

Когда Паша уходил, он вдруг спросил:

– Вы что, правда возьметесь за расследование?

– Я обещал вашей сестре, – ответил я. – И уже взялся за него... Кроме того, мне сильно не нравится, когда люди

³ Мокрушник – убийца (*жарг.*).

сажаются в тюрьму и тянут сроки за преступления, которые они не совершали.

– Маша говорила, что вы отличный следак.

– Смею надеяться. У меня иногда получается распутать то или иное дело, хотя я всего лишь криминальный репортер.

– Что ж, если у вас получится с этим расследованием, я буду вам благодарен по гроб жизни, – произнес Паша.

– Меня устроит, если вы просто будете мне благодарны, – ответил я. – Но пока об этом еще рано говорить.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Ладонь у него оказалась сильная и сухая.

Я сделал себе кофейку, испил его с удовольствием, решив про себя, что первым делом мне нужно узнать три вещи.

Первое: где во время убийства жены находился господин Крохин и кто он, собственно, такой.

Второе: что конкретно пропало из квартиры Крохиных.

Третье: видел ли кто-либо из обслуживающего персонала Пашу Кочета, когда тот со своим корешем Борей Шалым пил вечером в субботу шестого декабря пиво в «Закусочной», что на Измайловском бульваре.

Ну а там видно будет...

Я уже нутром чувствовал, что дело, которое я по доброте душевной взвалил на свои плечи, будет ох каким непростым. Но раз взялся за гуж...

Глава 3

«Горничная» Алена в кружевной наколке, или Подробности убийства

«Закусочная» на Измайловском бульваре – это вам не ресторация под названием «Жбан» на Измайловском шоссе, больше похожая на плацкартный вагон, где и шаурма, и шашлыки, и небритая черноволосая обслуга, с трудом разговаривающая по-русски или просто не желающая этого делать. Это и не бар «Гурман-сити» на Первомайской, со стойком из тунца, который надо ждать минут сорок-пятьдесят, армянским салатом, яблочным штруделем, ванильной панакоттой и глинтвейном, по вкусу весьма напоминающим азербайджанскую краску-бормотуху кондовых советских времен под названием «Алабашлы». И хочешь не хочешь, а полторы штуки – выложи!

Не-ет, господа, «Закусочная» на Измайловском бульваре – это две минуты ходьбы от метро «Первомайская», «водяра» по шестьдесят рублей за сто грамм, бочковое пиво, холодное и неразбавленное (это вам не советские времена!), которое можно тянуть бесконечно, удобно расположившись на диванах из кожзаменителя или на стульях с высокими

спинками.

«Закусочная» на Измайловском бульваре – это русский обед за три сотни с небольшим (если берете еще и салат), душевный разговор с приятелем и милая приветливая официантка Алена в белом фартучке и с белой кружевной заколкой в волосах, которые носили раньше горничные в дворянских и лучших купеческих домах. Она-то и поведала мне, что да, знает она Пашу Кочеткова, поскольку тот не единожды в их заведение хаживал, да и продолжает хаживать. И что видела она его в субботу шестого декабря вечером вместе с его закадычным дружкой...

– Они с приятелем вон за тем столиком сидели, – указала она на небольшой квадратный стол в уголке и мило улыбнулась. – Пиво пили, разговаривали.

– И когда они пришли? – поинтересовался я.

– Где-то в девять. Может, чуть в десятом часу, – ответила Алена.

– А когда ушли?

– Мы уже закрываться надумали, клиентов потихоньку начали выпроваживать... По субботам мы ведь работаем только до двенадцати... Значит, было где-то без десяти двенадцать или около того. Это все видели, могут подтвердить.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я доброжелательную и милую девушку в белом фартучке и кружевной заколке. Все бы такими были. Не в смысле фартучков и заколочек, а в смысле человеческого тепла и душевной доброты.

Что ж, это алиби Кочета. Полное и неотвратимое. Железное. Что означало: к убийству Аиды Крохиной и ограблению ее квартиры он не имеет ровным счетом никакого отношения.

Почему следователь Михеев не сделал то же самое, что я сделал только что: не побеседовал с милой официанткой Аленой? Остается только гадать. Он что, действительно хочет предъявить обвинение в убийстве человеку, у которого железобетонное алиби? Или, как думает сам Паша, держит его *про запас* и в случае неудачи с настоящим убийцей отыграется на нем? Но ведь есть суд, которому потребуются настоящие, реальные улики, а не версия следователя Михеева. Он что, не понимает этого?

Паша не убивал, это факт. И весьма жиденькая версия, что вор-«домушник» Паша Кочетков врёт и что это он убил Крохину, когда застал ее в квартире, отпала, как созревшая короста.

Теперь мне надлежало узнать, кто такой Крохин и где он находился на момент совершения убийства. И вообще, неплохо было бы посмотреть материалы этого дела. Но кто мне их даст? Следователь Михеев? Это, как говорит Паша Кочет, «ни в жисть».

Может, поможет Володька?

– Привет.

– Привет, – услышал я голос майора юстиции Владимира

Ивановича Коробова. — Давненько тебя не было слышно.

— Был в застое.

— А теперь застой кончился?

— Вроде того.

— Новое дело?

— Ага.

— И какое?

— Убийство замужней гражданки Аиды Крохиной шестого декабря, вечером, в ее собственной квартире на втором этаже элитного разноэтажного дома под номером пятьдесят пять, строение два, на Измайловском бульваре, — отпрапортовал я как по писаному.

Володька молчал. Когда молчание затянулось, я спросил:

— Чего молчишь?

— Думаю, — ответил он.

— О чем?

— О том, на каком этапе расследования ты сломаешь себе башку.

— Это почему? Неужели так серьезно? — поинтересовался я, догадываясь уже, что заключает в себе последняя фраза моего друга. Вернее, кого заключает. Поэтому, чтобы не ходить вокруг да около, добавил: — Уж не потому ли, что это дело ведет ваш следователь Михеев?

— И поэтому тоже, — немного подумав, согласился Володька.

— А что, он такой страшный?

– Он не страшный, майор Михеев – отъявленный карьерист. И папа у него – генерал-лейтенант эмвэдэ. А это значит: что бы ни делал майор Михеев, это правильно. Понимаешь меня?

– Как никогда. То есть подглядеть в материалы дела мне не удастся никак.

– Никоим образом, – твердо ответил Коробов.

– И на тебя мне не приходится рассчитывать, – сказал я без малейшей вопросительной нотки в голосе.

– Не приходится. Совсем.

– Что ж, такая информация – тоже информация, – раздумчиво произнес я, и бодрости духа во мне заметно поубавилось.

– Слушай, а в этом деле ты не можешь дать задний ход? – неожиданно спросил Володька.

– Уже нет. Втянулся.

– Хорошо. Что тебе еще хотелось бы знать по этому делу?

– Всего-то пару деталей, – немного взбодрился я.

– А именно?

– Кто такой господин Крохин и где он находился во время убийства его супруги, – произнес я скороговоркой, боясь, что Коробов перебьет меня и наотрез откажется мне помогать. – Ну, и что пропало из квартиры убитой во время ограбления. Если оно, конечно, имело место быть. – Я чуть помолчал и добавил: – Сможешь, Володь?

– Постараюсь, хотя это будет непросто.

– Когда?

– Не раньше четверга, – подумав, ответил Володька.

– То есть восемнадцатого декабря? – задал я уточняющий вопрос.

– Именно.

– Спасибо.

– Ну что, отбой?

– Отбой.

Восемнадцатое не за горами. Подожду...

Есть такие дома, в которых хочется жить. Конечно, это не «хрущевки» с обшарпанными фасадами, заколоченными фанерой окнами подъездов и сонмом вечно недовольных старух (стариков нет, поскольку они все умерли, ибо мужики у нас долго не живут), несших бдительную вахту на лавочках возле подъездов. Но это и не высотные и продуваемые всеми ветрами монолитные башни с одним подъездом, где никто никого не знает и знать не желает...

Дом № 55 на Измайловском бульваре был красив и ухожен, что оказалось приятной неожиданностью. Небольшой чистый дворик, один из тех, что закладываются сегодня в проекты домов, «обслуживал» аж четыре дома, окружавших его с разных сторон. Оно и понятно: детей нынче рождается мало, и одного двора с парой горок и песочниц вполне хватает, чтобы было где погулять и порезвиться детям из четырех-пяти домов.

Пятьдесят пятый дом и правда был разноэтажный. Его левый край, завернутый на 10-ю Парковую улицу, имел сначала четыре, потом пять, а потом девять этажей. Затем дом поворачивал и шел параллельно Измайловскому бульвару, также меняя этажность: девять-пять-четыре. Вот такая математика. Дом со стороны бульвара окружал кованый заборчик с будкой охранника, который спокойно можно было обойти со стороны 10-й и 11-й Парковых улиц или со стороны Верхней Первомайской.

Я приехал на автобусе. Вышел. Зашел во двор со стороны 11-й Парковой, обойдя 16-этажную панельку. Ни квартиры, где произошло убийство, ни даже подъезда, где находилась эта квартира, я не знал, поэтому решил наладить контакт с местными аборигеншами в образе бабушек и теток, что сгруппировались на одной из лавочек во дворе.

Я подошел к ним и, напрягая все свое мужское обаяние, энергично поздоровался.

– И вам не хворать, – бойко ответила одна из молодящихся дам в большом мохеровом берете, остро и колюче оглядев меня с ног до головы. – Что, гражданин, невесту выбираете? Так мы и не прочь.

Бабульки дружно рассмеялись. Для них это было забавой, глядишь, и день весело пролетит.

– Увы, обручен, – вполне искренне пожалел я. – Я по другому делу...

– Это по какому же? – подозрительно спросила женщи-

на. – Может, вы из тех самых... Высматриваете, какую бы еще квартирку, как у вас говорят, подломить?

– Подломить в смысле украсть? – недоуменно спросил я, с удивлением посмотрев на нее.

– Подломить в смысле ограбить, – поправила меня женщина в мохеровом берете, весьма осведомленная в воровском сленге. – И не прикидывайтесь тут эдакой непонятливой овечкой. Видали мы таких...

– Да я никем и не прикидываюсь, – с некоторой долей обиды произнес я. – Тем более овечкой... А что, в вашем доме такое уже случалось, что грабили квартиры?

– А почему это вас так живо интересует? – задала мне вопрос другая пожилая женщина с ярко-красными губами и искусственным румянцем на пожелтелых сморщенных щечках.

– Видите ли... – начал было я, но договорить мне не дали.

– Да ты, вообще-то, кто такой? – заговорила самая молодая из стайки пожилых женщин, которой едва перевалило за шестьдесят. – Чего ты здесь всё вынюхиваешь?

– Я – телевизионный журналист, – ответил я.

– А где твоя телекамера, господин *телевизионный журналист*? – ехидно поинтересовалась «молодка». – Видали мы таких!

– Я пока без камеры пришел. Разведать кое-что...

– А чего разведать? – снова подала голос женщина в мохеровом берете. – Кто в нашем доме живет, чтобы побога-

че? Ну-ка я вот сейчас мили... полицию вызову... – С этими словами она полезла в карман и достала довольно навороченный смартфон.

– Да погодите вы, Амалия Сигизмундовна, полицию вызывать, – остановила ее старушка с ярко-красными губами и искусственным румянцем на щеках и повернулась ко мне: – При вас, молодой человек, документики какие-нибудь имеются?

– А как же без них, – ответил я, доставая удостоверение телекомпании «Авокадо», и протянул его старушке с красными губами.

– Фальшивое небось, – произнесла «молодка». – Сейчас такими в каждом подземном переходе торгуют.

– Да непохоже, – произнесла старушка и, взяв мое удостоверение, принялась его тщательно рассматривать. – Телеканал «Авокадо», говорите?

– Да.

– Точно, «Авокадо»! – воскликнула еще одна старушка из стайки, которая во все время моего разговора с аборигеншами молчала и не отводила от меня пристального взора. – Я его узнала! Он еще в прошлом году передачу про актера Игоря Санина вел. Ну, как Санина убили, и все такое... Интересная передача. А актер-то был какой хороший! Я была в него даже немного влюблена.

– Вы совершенно уверены в этом, Зинаида Степановна? – спросила старушка с красными губами.

– В том, что была влюблена? А то как же! Сердце, оно не обманывает!

– Да ну тебя, Зинаида Степановна! Ты все о том же. Я спрашиваю, действительно ли он передачу вел?

– Абсолютно уверена, Гортензия Никитична, – заверила красногубую аборигеншу Зинаида Степановна. – Русаков его фамилия.

– Даже фамилию запомнила?

– А чего тут не запомнить? У моего парня, с которым я в юности встречалась, такая же фамилия была.

– Совершенно верно, Русаков он, – удовлетворенно произнесла старушка, возвращая мне удостоверение. – Ну, и что вас интересует, господин Русаков?

– Меня интересует недавнее убийство в вашем доме, – уже без всяких выкрутасов произнес я.

– Это у Крохиных, что ли?

– Ага. Кто вообще эти Крохины?

– Сам работает в правительстве Москвы, главным инспектором по недвижимости, а Аида была домохозяйкой, – ответила «молодка». – Ох, как не повезло людям. Не дай бог!

– Если быть точнее, – поправила ее Гортензия Никитична, – то Юрий Сергеевич Крохин служит начальником Государственной инспекции по надзору за московскими объектами недвижимости. Должность весьма ответственная и, сами понимаете, доходная. А потому Аида Владимировна не работала, была домохозяйкой и сидела дома...

– Как же, сидела она дома, – с сарказмом заметила женщина в мохеровом берете, которую Гортензия Никитична назвала Амалией Сигизмундовной. – Она все по бутикам да фитнес-клубам шастала. И любовник у нее имелся... Молодой!

– Не слушайте вы ее, – тронула меня за рукав пальто Гортензия Никитична. – Не было у нее никакого любовника... Это она от зависти!

– А что они лаялись тогда каждый день? – не согласилась с ней «молодка». – В последнее время дня не проходило, чтобы они не скандалили.

– Вы это сами слышали?

– А то! Я, чай, за стенкой живу. Мне все слышно.

– Небось ухо к стенке прикладывала, чтобы лучше было слышно, как они там бранятся? – заметила ей не без ехидства Амалия Сигизмундовна. – Так, что ли?

– И прикладывала, так что с того? – огрызнулась в ответ «молодка». – Да и прикладываться не нужно было, и так все хорошо слышно.

– А в тот день, в субботу шестого декабря, Крохины тоже ругались? – осторожно поинтересовался я.

– Ругались! – ответила «молодка». – И еще как! Когда полицейский майор меня допрашивал, я так ему и сказала.

– А в какое время они ругались?

– Начали около восьми, а закончили уже в девятом часу. Они долго ругались... На совесть...

– А потом?

– А потом все разом стихло, вроде бы помирились.

– Так может, этот начальник Государственной инспекции сам ее и убил? – спросил я как бы мимоходом.

– Нет, – не сразу ответила «молодка». – Он в половине девятого ушел, а она телевизор громко включила, я слышала.

– Она телевизор включила сразу, как ушел Крохин, или еще до его ухода?

– До ухода, кажись, чтоб его не слышать, наверное. Так телевизор у них и работал, покуда полиция не приехала.

– А когда приехала полиция?

– В первом часу уже.

– А кто ее вызвал?

– Я и вызвала... А что, если в квартире большой начальник проживает, значит, и законы не надо соблюдать, что ли? И телевизор пусть работает на полную катушку, когда время уже после одиннадцати? Есть закон о тишине, так там черным по белому прописано, что с одиннадцати и до семи шуметь нельзя, потому что люди спят, им отдыхать надо, а не слушать работающий у соседей на всю мощность телевизор.

– Не закон о тишине, а раздел о тишине в законе, который называется «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», – поправила «молодку» Гортензия Никитична.

– Не важно, как называется этот закон, главное, что он есть. И в нем написано, что шуметь после одиннадцати вече-

ра – нельзя! – «Молодка» победно посмотрела на меня и замолчала.

– Вы совершенно правы, – сказал я. – Громко шуметь после одиннадцати запрещено.

– Ну вот! Я терпела, терпела... Но ведь любому терпению приходит конец. Вот я и вызвала полицию, чтобы урезонили эту Аиду.

– А они приехали и обнаружили труп, так?

– Так, – выдохнула «молодка». – Дверь-то в квартиру Крохиных незапертая оказалась. А потом и еще наряд приехал.

– Вы имеете в виду следственно-оперативную группу?

– Я не знаю, как они там все прозываются.

– Ну а судмедэксперт среди них был?

– В смысле доктор?

– Да, доктор.

– Доктор был. Женщина.

– Ясно, – констатировал я. – И когда они приехали?

– Да через четверть часа после первых полицейских, – последовал ответ.

– А где в это время был сам Крохин?

– Почему же мне знать? Но он вскоре приехал, потому что его вызвала полиция.

– Каким образом?

– Они позвонили ему по сотовому его жены и попросили приехать.

– Вы что, в это время были в квартире Крохиных? – до-

гадался я.

– Была, – ответила «молодка». – Меня пригласили как понятую.

– Вот как... И что вы там увидели?

– В квартире все было перевернуто вверх дном, вещи валялись на полу, в спальне вообще был полный бедлам. Грабитель явно торопился...

– Откуда вы это знаете? – заинтересованно спросил я.

– Так сказали полицейские.

– Ясно. И что унес грабитель? Ну, что у Крохиных пропало? Вы, как понятая, должны это знать.

– Это выяснилось только тогда, когда приехал сам Крохин, – ответила женщина.

– А когда он приехал?

– Около часу ночи, – последовал ответ.

– И что пропало из вещей? – задал я новый вопрос.

– Это я запомнила точно, – произнесла «молодка».

– Еще бы, – перебила ее Амалия Сигизмундовна. – Вам-то уж как это не запомнить...

– Да, запомнила! Вор унес жемчужные бусы, вернее, ожерелье из жемчуга, бриллиантовое кольцо с сапфирами, золотое кольцо с крупным бриллиантом и золотые сережки с сапфирами. И еще деньги: семьдесят тысяч евро, тридцать пять тысяч долларов и один миллион семьсот пятьдесят тысяч рублей пятидесятитысячными купюрами.

– Не хило, – покачал я головой.

– И я говорю: за какие такие заслуги у них невиданное богатство? – возмутилась «молодка». – Мы все здесь не бедствуем, но жемчужных ожерелий и бриллиантовых коле у нас отродясь не водилось.

– У меня есть бриллиантовое кольцо, – объявила Амалия Сигизмундовна. – Муж купил в девяносто втором. Когда еще был жив и работал в МИДе.

– Я бы на вашем месте об этом не стала во дворе распространяться, – заметила Гортензия Никитична. – Не ровен час, до чужих ушей дойдет.

– А что, были еще случаи подобных краж? – спросил я, обращаясь скорее к Гортензии Никитичне.

– Были, и целых три! – ответила женщина с ярко-красными губами. – Ограбили квартиру на Верхней Первомайской и две «сталинки» на Пятнадцатой Парковой. И это только за два последних месяца!

– А что он за человек, Крохин? – поинтересовался я у Гортензии Никитичны. Но вместо нее ответила «молодка»:

– Да нормальный он мужик. Терпеливый. Все выкрутасы Аиды поначалу сносил молча и спокойно. Это только последние года два-три они стали лаяться.

– А какой была Аида?

– Вертихвостка, – поморщившись, коротко ответила «молодка».

– И вовсе не вертихвостка, – не согласилась с ней женщина в мохеровом берете. – Вполне порядочная женщина.

– Вертихвостка! – продолжала настаивать на своем «молодка». – И любовник у нее имелся.

– А вы что, свечку держали, когда они любились? – не очень вежливо поинтересовалась у нее Амалия Сигизмундовна.

– И правда, – примирительно заметила Гортензия Никитична. – О покойных или хорошо, или ничего.

– Свечку не держала, но знаю наверняка! – повернулась к Амалии Сигизмундовне «молодка».

– Да откуда вы это можете знать? – усмехнулась та. – Аида женщиной была не очень открытой и аккуратной во всех жизненных вопросах...

– А вы можете передачу сделать, как мы тут мерзнем? – вдруг спросила меня Зинаида Степановна, та самая молчаливая женщина, что узнала во мне Аристарха Русакова и тем самым сняла с меня подозрения, что я грабитель, проводящий рекогносцировку на местности.

– Тут – это на улице? – спросил я шутливо.

– Да нет, в наших квартирах. Понимаете, в доме установили какой-то регулятор, который тормозит подачу тепла в наши квартиры...

– «Контроллер погодного регулирования» называется, – поправила ее всезнающая Гортензия Никитична.

– Ну да, контроллер, – охотно поправилась Зинаида Степановна. – Так вот: когда на улице холодно, бывает еще терпимо – батареи горячие, дома тепло, но когда температура

около нуля, холодина в квартире несусветная. Восемнадцать градусов, а когда и шестнадцать. Батареи едва-едва теплые. Этот контроллер автоматически, как только уличная погода теплеет, отрубает подачу тепла в квартиры...

– Ограничивает, – снова поправила Зинаиду Степановну пожилая женщина с ярко-красными губами. Кажется, она знала все и была в курсе всего.

– Ну, ограничивает, – согласилась та. – В квартирах становится холодно. И мы мерзнем...

– Я вас понял, – заверил я Зинаиду Степановну. – Хорошо, я выйду с таким предложением к своему начальству.

– Да уж, выйдите, пожалуйста, – улыбнулась она. – Мы очень на вас надеемся.

– Выйду, выйду, – пообещал я.

– Только это ничего не даст, даже если такая передача и будет показана, – заметила Амалия Сигизмундовна.

– Это почему?

– Решение по установке этих контроллеров принимал сам мэр, и он его только потому, что вам иногда бывает прохладно, менять не станет.

– Так, чай, я не одна мерзну, – оглядела товарок Зинаида Степановна. – Сколько нас таких наберется-то? Пол-Москвы будет!

– А это не важно, что пол-Москвы мерзнет, – перебила ее безапелляционным тоном Амалия Сигизмундовна. – Экономия тепла важнее. Это ведь все деньги! Чего же их по ветру

пускать.

Затеялся спор, участия в котором я принимать не хотел, поэтому вежливо попрощался с дамами и пошел во-свояси, вполне удовлетворенный разговором с аборигенша-ми. Вот только выяснить, где был во время убийства началь-ник Государственной инспекции по надзору за московскими объектами недвижимости Юрий Крохин, мне пока не уда-лось...

Глава 4

В чем действительно нуждается человек, или Тайна официанта Артема

Много ли человеку в жизни нужно? Казалось бы, и не счесть! И то нужно, и это обязательно, и вон то еще не помешает. Неплохо бы вдобавок еще десятков-другой разных бонусов и удовольствий. Но в действительности, если разобратся, для жизни и нужно-то всего, что крыша над головой, еда, работа и пара-тройка человек, которые тебя любят и ждут. Вот, собственно, и все. Ну, еще чтобы время от времени случались радостные события. И приходили ожидаемые вести.

Так вот, что касается этих самых вестей... Где был господин Крохин во время убийства его жены, я узнал не от него. Когда я попробовал пробиться к нему на службу через центральный вход, вахтеры меня попросту не пустили, едва не вытолкав взащей. Тогда я дождался окончания рабочего дня и буквально поймал его, открывшего дверцу и уже садящегося в свой автомобиль. Я представился, попросил уделить хотя бы минутку, но Юрий Сергеевич сказал, что принимает посетителей по средам, причем исключительно по за-

писи, так что я могу записаться на прием в установленном порядке. Правда, состоится этот прием уже после Нового года. По всему видно, Крохин – человек популярный, и желающих пообщаться с ним было предостаточно...

Тогда я без обиняков объявил ему, что занимаюсь исследованием убийства его супруги и у меня есть к нему несколько вопросов. Юрий Сергеевич пристально посмотрел на меня, переспросил, как меня зовут и какую организацию я представляю, после чего категорически отказался отвечать на мои вопросы, а просто сел в свое авто и по-быстрому укатил. Мне только и оставалось, что уныло посмотреть вслед его толстозадому «Мерседесу».

Я не стал задаваться вопросом, почему он так поступил, поскольку я не был следователем и он имел полное право не отвечать на мои вопросы. Крохин мог чего-то бояться, мог не желать, а мог и попросту не иметь времени на разговоры со мной.

Хорошая весть пришла и не от Володьки (надо сказать, вопреки ожиданию).

Восемнадцатого, как и было между нами оговорено, он позвонил, поздоровался и спросил:

– Ты еще не передумал?

– Нет, – ответил я.

– Тогда слушай: Крохин Юрий Сергеевич, одна тысяча семьдесят второго года рождения, русский, окончил Вольское высшее военное училище тыла по специальности «ме-

неджмент» в девяносто четвертом. С девяносто четвертого по две тысячи второй год служил в органах внутренних дел. Звание – майор. Затем – чиновник Счетной палаты Российской Федерации.

– Как-то очень неожиданно.

– Соглашусь. Но у нас так часто бывает, сам знаешь...

– Кто-то продвинул?

– А то! Дальше он становится начальником отдела в Пенсионном департаменте, заведует назначением и выплатами пенсий лицам, достигшим пенсионного возраста. В десятом году становится заместителем директора Департамента имущества в Москве, а с тринадцатого года – начальником Государственной инспекции по надзору за московскими объектами недвижимости. Вот такая карьера, брат. Да, женился на Аиде Владимировне Кравец в девяносто пятом году, детей не имеется.

– Почему? – спросил я.

– По кочану, – ответил мне Володька. – Нет, и все тут.

– Понял, – сказал я. – Дальше про ограбление... Только не надо говорить мне про то, что пропало.

– А что, уже узнал? – спросил Коробов.

– Узнал.

– Откуда?

– У меня свои источники информации. Ты лучше скажи, где Крохин был в вечер убийства, поскольку домой он приехал около часа ночи.

– Он был в баре на Измайловском бульваре, – в рифму ответил Володька.

– Как называется бар?

– Бар «Восточный округ». Работает обычно до пяти утра, а по выходным – до полуночи.

– А то, что он был в баре, это с его слов или его кто-нибудь там видел? – поинтересовался я.

– А мне почем знать? – удивился Володька. – Я в дело не заглядывал. Говорю тебе то, что накопал по крохам, поскольку дело ведет следователь Михеев, а не я. И мы с ним отнюдь не в дружеских отношениях... Его сотовый тебя интересует? Ну, Крохина этого?

– Да, интересует.

Володька продиктовал мне номер мобильного телефона Крохина, а потом не без участия спросил:

– Ну что, немного хоть помог?

– Да, немного помог, – ответил я без тени сомнения. И добавил, чтобы Володька не сомневался в том, что сделал доброе дело: – Сотовый, например, дал. Теперь я знаю, что мне делать дальше.

– В бар этот пойдешь? – догадался он.

– Планирую.

– Тогда удачи, – произнес Володька. – Звони, если что.

– Спасибо...

Что такое удача?

Мне думается, что в этом термине заложен скорее глубокий философский смысл, нежели практическая значимость. Удача — не благо, сваливающееся на бесталанную голову неподготовленного человека по воле слепого случая или весьма неожиданно. За удачу нужно биться, как за любовь! Мы ведь обычно не сидим и не ждем ее, позевывая и подперев голову кулаком. Удачу нужно выгрызть из неприглядных обстоятельств зубами. Хотя, впрочем, ее неожиданное появление также весьма возможно, правда, крайне редко. В этом случае нужно тотчас бежать в церковь и ставить свечку за благодать Божию. Но вот чтобы удача пришла случайно и невесть кому, это вряд ли... Она — не каприз природы, а скорее приз. Некий солидный бонус за качественно исполненную работу.

Мне госпожа удача явилась в образе официанта. Разговорчивого малого, который, узнав, что я журналист, не стал отказываться от беседы, а, напротив, охотно и полно отвечал на все мои вопросы.

В бар «Восточный округ» я пришел после разговора с Володькой. Было что-то около пяти вечера, публика только-только стала подгребать, посему официант, которого звали Артем, не был шибко задействован и имел возможность спокойно побеседовать со мной.

Представившись и выждав момент, когда Артем освободится, я задал ему первый вопрос:

— Вы ведь, надо полагать, слышали про убийство женщи-

ны, что случилось шестого декабря недалеко о вас?

– Крохиной? – внимательно посмотрел на меня официант. – Жены Юрия Сергеевича?

– Да.

– Слышал.

– А кто вам об этом сказал?

– Да я уж и не помню, – ответил Артем. – А седьмого следователь приходил. Расспрашивал.

– Он представился?

– Да, представился. Майор Михеев, следователь Главного следственного управления Москвы.

– И что он у вас спрашивал? – поинтересовался я.

– Про Юрия Сергеевича спрашивал: когда пришел, с кем был, во сколько ушел.

– Ну, и что вы ему ответили?

– Он пришел в бар где-то в районе девяти. Один.

– А он все время один к вам ходит?

– Когда как. Бывает, один, а бывает, с господином сыщиком. Они оба наши постоянные клиенты...

– То есть? – не понял я. – Кто это – «господин сыщик»?

– Ну, так мы зовем Альберта Ивановича, – пояснил официант. – Он частный детектив, и у него свое детективное агентство. Здесь, недалеко, «Алиби» называется.

– Вот как? – заинтересованно произнес я. – Значит, и Юрия Сергеевича Крохина, и Альберта Ивановича...

– Киприани, – подсказал Артем.

– ...Киприани... вы, стало быть, знаете.

– Конечно, – кивнул Артем. – Мы всех наших постоянных клиентов знаем. И в лицо, и по имени-отчеству, и по их предпочтениям и вкусам. Особенно тех, кто хорошие чаевые дает. – Он неожиданно широко и обезоруживающе улыбнулся.

– Хорошо, – констатировал я. – Итак, Крохин пришел в районе девяти. Что было дальше?

– Сел за столик, заказал виски, выпил залпом, потом еще заказал. Долго не мог выбрать меню. Кажется, он был сильно чем-то расстроен. Ну, мне так показалось...

– А по каким признакам вам так показалось?

– Ну, я даже и не знаю... – неопределенно ответил Артем. – Хмур был, задумчив...

– Ясно... А он из бара никому не звонил?

– Нет. А вот ему звонили...

– Кто?

– Наверное, жена, – пожав плечами, сказал Артем. И добавил уже твердо: – Да, ему звонила жена...

– Когда это было?

– Где-то около десяти.

– А почему вы думаете, что ему звонила жена? – поинтересовался я.

– Ну, он называл ее Аидой и извинялся, – ответил Артем. – Потом сказал, что ему надо подумать, побыть одному...

Ага, значит, Аида Крохина в это время – около десяти ве-

вчера – была еще жива. Поэтому Пашу Кочета и спрашивали, где он находился именно с десяти до половины двенадцатого, когда, по мнению следователя Михеева, и было совершенно убийство.

– Вы что, слышали этот разговор?

– Слышал, – произнес Артем с некоторым удивлением. – Как раз в то время, когда у Юрия Сергеевича зазвонил телефон, он подозвал меня и заказал еще виски. И стал говорить по телефону...

– То есть он не замолчал, когда вы подошли? – тоже с некоторым удивлением спросил я.

– Нет, он продолжал говорить.

– Что было потом?

– Ну-у, Юрий Сергеевич поужинал, выпил еще вина, а в половине первого сорвался как угорелый, – сказал официант.

После этих слов Артема подозвали к одному из столиков, и он ушел. Впрочем, я уже узнал все, что мне было нужно. Вернее, все, что знал официант бара. Так что наиболее интересную и полезную для меня информацию я получил хотя и неожиданно, но отнюдь не случайно.

Вернувшись домой, я подвел итоги.

Итак: Крохин шестого августа где-то с восьми до половины девятого вечера ругается с женой, что прекрасно слышит его соседка-«молодка». Потом уходит, весь расстроенный, в бар «Восточный округ», чтобы принять на грудь вис-

каря и снять накативший стресс. Его подавленное состояние настолько бросается в глаза, что это замечает официант Артем, который не раз его видел, причем наверняка не всегда веселым и благодушным.

В районе десяти часов ему звонит жена.

Почему она ему звонит? Волнуется, куда он ушел? спрашивает, когда он вернется домой?

Но с какой стати? Они ведь только что поругались. И по словам соседки-«молодки» – поругались крепко!

А может, она хочет перед ним извиниться?

Это возможно. После чего Крохин, в свою очередь, просит извинить и его. И эти слова слышит официант.

Но вот вопрос: почему Крохин не замолкает, когда Артем подходит к его столику? Более того, почему, взяв трубку, подзывает его и делает заказ, который долго не решался сделать? Он что, не мог сделать заказ после разговора с женой? Или ему так не терпится поужинать и добавить вискаря?

Возможно. Ибо так тоже бывает...

А может, Юрий Сергеевич Крохин подозвал официанта во время разговора с женой, чтобы тот слышал этот разговор? И зафиксировал его в своей памяти?

Так или иначе, но мне надо поговорить с этим Крохиным. Предварительно ему позвонив и обозначив проблему, чтобы тот непременно согласился на разговор. Что ж, звоню немедленно...

Глава 5

Посиделки в баре, или Для кого бьется девичье сердце

– Здравствуйте, Юрий Сергеевич! – говорю я с неизбывным восторгом, как обычно говорят те, кто неожиданно встречает старых знакомых, и эта встреча совсем не в тягость, а, напротив, огромная радость. – Это Русаков вас беспокоит. Помните такого?

– Нет, что-то не припомню... – не сразу отвечает Крохин, видно покопавшись в глубинах своей памяти.

– Ну, как же! – радостно и бодро восклицаю я. – Мы с вами совсем недавно виделись. Мило так побеседовали возле вашего авто у входа в здание, где вы служите. Но, как мне кажется, не совсем договорили...

– А-а, припоминаю. Вы тот назойливый телевизионщик, Русаков, кажется... Откуда вы узнали мой номер телефона? – с ноткой удивления произносит Крохин.

– Ну, я не только это знаю, – говорю я. – Я еще знаю, что с помощью официанта бара «Восточный округ» Артема вы подтвердили, а может, и сделали себе алиби...

Наступает молчание, во время которого у меня мелькает парочка дельных мыслей, которые я успеваю поймать за их юркие хвостики.

Первая мысль: Юрий Сергеевич Крохин каким-то боком причастен к смерти своей супруги Аиды. Или узнал о ее смерти раньше того, как ему об этом сообщили полицейские.

Вторая мысль: есть еще один посвященный в то, что случилось на самом деле. Это владелец детективного агентства «Алиби», частный детектив Альберт Иванович Киприани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.